

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, СУДОУСТРОЙСТВО И СУДОПРОИЗВОДСТВО

БУДУЩЕЕ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ПРАВА В РОССИИ

В.В. Гребенников

Российский университет дружбы народов
Юридический институт
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Л.Ю. Грудцына

Финансовый университет при Правительстве РФ
Департамент правового обеспечения экономической деятельности
4-й Вешняковский проезд, 4, Москва, Россия, 109456

24 ноября 2016 г. Президент России внес в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проект Федерального конституционного закона «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”». Законопроектом предлагается новый вид постановления, принимаемого Конституционным Судом РФ по итогам рассмотрения дела о проверке конституционности нормативного акта органа государственной власти или договора между органами государственной власти, — постановление о признании нормативного акта или договора либо отдельных их положений соответствующими Конституции РФ в истолковании, данном Конституционным Судом РФ.

На взгляд авторов статьи, такой новый вид (и правовая природа) постановления Конституционного Суда РФ знаменует исторический поворот российской государственной политики в сторону развития прецедентного права, усиления места и роли судебного прецедента и правотворчества. Это означает, что другие (возможные) толкования уже не будут учитываться судами, тем самым вся судебная система России станет более управляемой, а принимаемые судами решения — в части возможных толкований Основного закона страны — более предсказуемыми.

В статье также исследуется понятие «судейское право», обретающее в связи с принятием проекта Федерального конституционного закона новый смысл и правовую природу: во-первых, судебское право как одно из распространенных в современной западноевропейской юриспруденции и странах англо-американского «общего права» понятий, по сути, начинает интенсивное развитие в России, во-вторых, классическая концепция судьи как «выразителя» права с самого начала начинает искажаться в России, поскольку право быть «выразителем» (толкователем) принадлежит только Конституционному Суду РФ, нижестоящие звенья судебной системы уже не могут, но обязаны следовать позиции Конституционного Суда РФ. В любом случае, по мнению авторов статьи, развитие судебного прецедента и правотворчества — это важный позитивный шаг для развития правовой системы современного государства в целом.

Дискуссионным является вопрос: чему отдавать предпочтение при толковании нормативного акта — уяснению воли законодателя, которую он хотел выразить, либо тексту нормативного акта. Воля законодателя лишь настолько составляет закон, насколько она выражена в нормативном акте, поскольку существуют единообразные на территории государства требования к актам, устанавливающим права и обязанности.

Ключевые слова: прецедентное право, судебная система, толкование Конституции, Конституционный Суд Российской Федерации, решение суда, судебное правотворчество

Судебная власть оформляется в мощную стабилизирующую силу, способную защитить права и свободы граждан, юридических лиц, уберечь общество от конфликтов, социальных взрывов благодаря своему особому статусу. Деятельность суда — органа судебной власти — основана на законе и состоит в приложении объективной нормы права, определенной статьи закона к конкретной жизненной ситуации.

Судебная власть — это самостоятельная ветвь государственной власти, один из стержневых институтов развития правового демократического государства и гражданского общества. Субъект осуществления судебной власти — система судебных органов, обладающая исключительной компетенцией разрешения существующих в обществе конфликтов. Природа судебной власти, ее структура и система во многом вытекают и обуславливаются функцией правосудия (осуществления судебной власти в системе разделения властей) как важнейшего вида правоприменения.

Согласно Концепции Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»¹ судебная система как механизм государственной защиты имеет большое значение в любом правовом государстве. Исполняя роль общественного арбитра, она защищает одновременно все сферы деятельности, регулируемые правом. Система судебных органов обеспечивает незыблемость основ конституционного строя, охраняя правопорядок, единство экономического пространства, имущественные и неимущественные права граждан и юридических лиц, а также гарантирует свободу экономической деятельности.

24 ноября 2016 г. Президент России внес в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект Федерального конституционного закона «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”»² (далее — Законопроект). Законопроектом предлагается новый вид постановления, принимаемого Конституционным Судом РФ по итогам рассмотрения дела о проверке конституционности нормативного акта органа государственной власти или договора между органами государственной власти, — постановление о признании нормативного акта или договора либо отдельных их положений соответствующими Конституции РФ в истолковании, данном Конституционным Судом РФ.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2012 № 1735-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы “Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы”» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2012. № 40. Ст. 5474.

² Проект федерального конституционного закона № 36765-7 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”». Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1021833/#ixzz4TMG0i2s2>. Дата обращения: 26.11.2016.

В информационно-аналитических отчетах, подготовленных Секретариатом Конституционного Суда РФ, неоднократно уделялось внимание вопросам повышения эффективности законодательного процесса в части, касающейся исполнения решений Конституционного Суда РФ, и придавалось особое значение неукоснительному соблюдению правоприменительными органами требований об обязательности этих решений. Указанные требования касаются не только решений Конституционного Суда РФ о признании законов и иных нормативных актов полностью или частично не соответствующими Конституции РФ, но и решений, которыми нормативный акт либо его отдельные положения признаны соответствующими Конституции РФ в истолковании, данном Конституционным Судом РФ.

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ, сформулированной в ряде решений (постановления от 21 декабря 2011 г. № 30-П, от 8 ноября 2012 г. № 25-П и другие, определения от 11 ноября 2008 г. № 556-О-Р, от 16 июля 2009 г. № 957-0-0, от 9 июня 2015 г. № 1294-О и др.), юридической силой решения Конституционного Суда РФ, в котором выявляется конституционно-правовой смысл нормы и тем самым устраняется неопределенность в ее интерпретации с точки зрения соответствия Конституции Российской Федерации, обуславливается невозможность применения данной нормы (а значит, прекращение действия) в любом другом истолковании, расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом РФ.

В случае принятия такого постановления при применении соответствующего нормативного акта или договора исключается любое иное их истолкование, а на последствия принятия такого постановления распространяются положения Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» и иных федеральных законов, установленных для случаев признания нормативного акта или договора либо отдельных их положений не соответствующими Конституции Российской Федерации. Предлагаемые изменения, как это указано в Пояснительной записке к Законопроекту, направлены на обеспечение обязательного учета правоприменительными органами позиций Конституционного Суда Российской Федерации, что в рамках действующей правовой системы является необходимым элементом поддержания режима законности и правопорядка.

Корреспондирующее регулирование Законопроект предлагает *установить в отношении итоговых решений по жалобам на нарушение законом конституционных прав и свобод граждан* (выделено нами — авт.). Законопроект предусматривает также *прямое закрепление принципа недопустимости применения нормативного акта или отдельных его положений в истолковании, расходящемся с истолкованием, данным Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении* (выделено нами — авт.).

Данные нововведения являются крайне важным сигналом, как для государства, так и для гражданского общества. Во-первых, они свидетельствуют о намерении Президента России навести порядок в судебной вертикали власти, по крайней мере в части упорядочивания практики толкования Конституции РФ и других нор-

мативных правовых актов, когда данное Конституционным Судом РФ «генеральное» (правильное) толкование становится обязательным для нижестоящих судов, чье толкование не может и не должно расходиться с «генеральным».

Во-вторых, и сужают, и вместе с тем расширяют границы правотолковательной «свободы» судов, чья работа, после принятия Законопроекта, должна соотноситься с «генеральными» толкованиями тех или иных норм. Хорошо, что такие толкования Конституционного Суда РФ будут, и их обязательный характер (для нижестоящих судов) наделяет их свойствами закона, обязательного к исполнению. Такой новый вид (и правовая природа) постановления Конституционного Суда РФ знаменует исторический поворот российской государственной политики в сторону развития прецедентного права, усиления места и роли судебного прецедента и правотворчества. Это означает, что другие (возможные) толкования уже не будут учитываться судами, тем самым судебная система станет более управляемой, а принимаемые судами решения — в части возможных толкований Основного закона страны — более предсказуемыми.

В-третьих, рассуждая не только о плюсах, но и о минусах, можно предположить, что принятие Законопроекта может несколько «размыть» систему разделения властей, когда расширение возможностей Конституционного Суда РФ в части «генерального» толкования Конституции РФ и других нормативных правовых актов, с одной стороны, приближает ветвь судебной власти к власти законодательной (в части обязательности решений Конституционного Суда РФ для нижестоящих судов и пересмотра в целом системы законодательства, места и роли в ней судебского права), с другой стороны, приближает судебную власть к власти исполнительной (в части возможного манипулирования и предопределения «генеральных» толкований Конституционного Суда РФ).

Отметим, что исследование специфики конституционного толкования предполагает решение ряда общих вопросов толкования права. Мы исходим при этом из известных положений о том, что изучение частных вопросов без предварительного решения общих неминуемо на каждом шагу будет приводить к этим общим вопросам. Истинность приведенных положений требует определенных оговорок применительно к рассматриваемому виду толкования. Конституция, как правило, пишется в очень ясных и, на первый взгляд, всякому доступных выражениях. И цели ее провозглашаются достаточно определенно. Однако с изменением жизненных реалий, с изменением соотношения политических сил вполне вероятно появление актов, которые по форме конкретизируют конституционные нормы, а по существу преследуют социально иные цели, искажают заложенный в них смысл [1, 2].

Судебное правотворчество являет собой особое проявление деятельности судебной системы, профессиональной работы судей, с возможностью исправления ошибок нижестоящих инстанций вышестоящими [3; 4; 5]. Если уместна такая аналогия, то судебная власть построена (если представить ее идеальной моделью) по иерархическому принципу саморегулируемой пирамиды, основание которой образуют мировые суды, далее — суды первой инстанции, далее — вышестоящие инстанции (апелляция, кассация), вершина которой — Верхов-

ный Суд РФ. Важная особенность судебной власти, наделяющая ее исключительностью по сравнению с законодательной и исполнительной властями, заключается в возможности исправления ошибки — отмены незаконного судебного решения вышестоящей инстанцией. Иными словами, само решение принимается в «основании пирамиды» — судом мировым или первой инстанции, его пересмотр возможен вышестоящим судом и Верховным Судом РФ. Это означает, что найденная в системе и системой ошибка (вынесенное с нарушением норм материального и/или процессуального права судебное решение) исправляется не звеном, вынесшим это решение, а другим — вышестоящим — звеном системы.

Из этой теоретической конструкции несколько выбиваются суды общей юрисдикции, когда на практике возможны ситуации отмены председателем районного суда решения судьи этого же суда, т.е. принцип пересмотра судебного решения вышестоящей инстанцией (другим судом) нарушается. Именно поэтому необходимо искоренение этой порочной практики, и в целом — реформирование судов общей юрисдикции.

Верховный Суд РФ имеет особый правовой статус в структуре судебной системы, основанный на исключительной компетенции рассмотрения специфических дел в качестве суда первой инстанции. Вместе с тем пирамидальный принцип построения судебной власти системы судов общей юрисдикции и арбитражных судов (ВС РФ — вершина пирамиды, нижестоящие звенья — ее основание) «включает» законы управления и контроля, когда исключительные полномочия вышестоящего органа не должны «клонироваться» нижестоящими органами, иначе будет потеряна исключительность (особая природа и сущность) управляющего пирамидальной системой органа (субъекта управления). Представляется, что при сохранении исключительных полномочий и вытекающего из них особого правового статуса Верховного Суда РФ нижестоящие суды не должны быть одновременно разными инстанциями, выступая в роли то субъекта управления (по отношению к нижестоящим судам), то объекта управления (по отношению к вышестоящим судам) в судебной системе. Следует особо отметить, что важная роль Верховного Суда РФ, несмотря на имеющиеся трудности и проблемы, до сих пор не оценена должным образом, его место и значение в судебной системе еще только предстоит оценить.

Как показывает история развития советского права и, в частности, его кодификация, проходившая в 60–70 гг., она не помешала судебной практике выступить в качестве важного фактора совершенствования законодательства. Советская юридическая литература знает и понятие «судебное усмотрение», но оно использовалось в принципиально ином ключе: не как альтернатива принципу подчинения судьи закону, а как возможность поиска решений в рамках, очерченных применяемым законом [6. С. 23–24].

Среди аргументов сторонников рассматриваемой концепции важное место занимает тезис о том, что без активной правотворческой роли судьи правовая система страны окажется в состоянии стагнации и не сможет развиваться должным образом. «Законодательное право не исключает судейского. Оно само нуждается в судейском праве, чтобы не окаменеть...» [7. С. 96]. Представляется

бесспорным, что судебной практике принадлежит значительная роль в правовой жизни. Правоприменительная деятельность — одна из важных форм бытия права. В странах континентального права судебная практика оказала и продолжает оказывать значительное воздействие на развитие права (хотя не такое сильное и не в тех формах, как в странах англо-американского права).

И данный факт не раз констатировался исследователями. При этом, разумеется, речь идет о судебной практике в ее традиционном понимании как подзаконной правоприменительной деятельности. Но если в таком качестве она оказывает эффективное воздействие на развитие права, то нужно ли на ее место поставить «судейское право»? Тезис о том, что без «судейского права» позитивное право якобы «каменеет», явно несостоятелен, ибо игнорирует роль традиционно понимаемой судебной практики в странах кодифицированного права.

Исходя из заявленных в 2014 г. целей оптимизации судебной системы России в части обеспечения единства правоприменения и правотолкования высшими судами норм гражданского и административного права, уже сейчас можно утверждать, что только ликвидацией Высшего Арбитражного Суда РФ они не будут достигнуты. Требуется решительная, но продуманная реорганизация судебной системы путем создания единых судов, включающих арбитражные суды и суды общей юрисдикции, функционирующих на следующих началах: внедрение передовых принципов, форм и методов работы арбитражных судов в существующую, доступную для населения систему (сеть) судов общей юрисдикции, существующие принципы, формы и методы работы которых во многом требуют переосмысления и улучшения. В деятельности вновь создаваемых судов должны быть эффективно и продуманно применены наиболее оправдавшие себя на практике достижения судов как общей юрисдикции, так и арбитражных судов.

Следует отметить, что сложившаяся до момента ликвидации Высшего Арбитражного Суда РФ (2014 г.) система арбитражных судов (включая арбитражные округа, не совпадающие с административно-территориальным делением страны) была весьма эффективна, поэтому опыт ее работы, после должного осмысления, необходимо перенести на систему судов общей юрисдикции. Унифицированный по образцу арбитражных судов подход к организации судебных инстанций и судебных округов способен обеспечить обобщение и анализ судебной практики в различных инстанциях. Представляется целесообразным организовать кассационное судопроизводство судов общей юрисдикции по образцу кассационных арбитражных судебных округов.

Представляется, что с вопросом судебного правотворчества тесно структурно связаны институты судейского права и судейской иерархии.

Понятие «судейское право» (*“Richterrecht”*, *“judge made law”*) — одно из распространенных в современной западноевропейской юриспруденции, не говоря уже о странах «общего права». Оно является непременным компонентом почти всех новейших течений теории права. Среди западноевропейских стран наибольшее внимание «судейскому праву» уделяет юриспруденция ФРГ.

В самом общем плане предметом такого рода концепций является правотворческая роль суда. Однако непосредственная ее цель заключается не столько

в показе роли судебной практики в историческом формировании правовых систем, механизма действия прецедента, влияния судебной практики на законодательство, сколько в преодолении принципа «судья подчиняется закону». Сторонники данных концепций объявляют судью более совершенным «выразителем» права, чем законодатель, требуют значительного расширения его компетенции, в частности, предоставления судье права решать конкретные дела «против закона» (“*contra legem*”) и в целом взять на себя ведущую роль в сфере правотворчества³. Отмечается, что старое представление о судье отброшено, и судья рассматривается теперь как «социальный архитектор», ибо только он «способен быстро и конкретно решать правовые проблемы, которые ставит наше сложное индустриальное общество, живущее во все убыстряющемся ритме» [8. Р. 101].

В начале XXI в. требование «судейского права» трудно было бы связать с недостаточной активностью законодателя. Для современного права развитых зарубежных стран характерно последовательное увеличение «производства законов» — поток нормативных актов, затрагивающих все основные сферы общественной жизни, что является следствием усложнения общественных отношений. Если такая его сущностная черта, как соединение силы экономических монополий с силой государства в ее конкретных проявлениях, представляет собой процесс де-факто далекий от юридической регламентации, то следствие этого соединения сил — возрастающее воздействие государства на процессы производства, потребления и обмена, отношения труда и капитала и другие общественные отношения — находит выражение в увеличивающейся законодательной деятельности государства. В ФРГ, например, еще в конце XX в. каждая парламентская легислатура завершалась вступлением в силу 400–500 новых законов (в период легислатуры 1972–1976 гг. было принято 515 законов [9. С. 80, 10. С. 77]. Напомним, что указанные законы — это лишь добавление к уже существующей развернутой системе кодифицированного права, текущего законодательства и подзаконных актов.

Получается несколько странная, на первый взгляд, картина: активизация деятельности законодателя сопровождается возрастающим противопоставлением закона и судьи, требованием превратить судью в творца «подлинного права», в ведущую фигуру социального развития. Чтобы разобраться в этом, нужно вернуться на семьдесят лет назад, когда после второй мировой войны в странах Западной Европы происходил процесс реорганизации социально-экономической и государственно-политической капиталистических структур. Обстановка вынуждала правящие круги идти на явно нежелательные для них демократические реформы и уступки, которые нашли правовое оформление в конституционном и ином законодательстве.

³ По мере увеличения удельного веса законодательства в англо-американском праве понятие “*judge made law*”, которое ранее связывалось с системой прецедента, теперь все чаще используется как обоснование возможного отказа суда от применения закона, относящегося к рассматриваемому делу.

Но, уступив в этой сфере, как утверждает В.А. Туманов в своей статье «К критике концепции “судейского права”», правящие слои предприняли шаги для укрепления своих позиций в правоприменительной сфере, что выразилось, с одной стороны, в соответствующем подборе кадров института юстиции, а с другой, — в наделении суда возможностью «свободного применения» закона с тем, чтобы по мере возможности «исправить» то, чему не удалось воспрепятствовать на законодательной стадии. Тотчас же появились «надзаконное естественное право», «высшие принципы права», «идея права», «природа вещей» и другие критерии, с помощью которых суд обретал свободу по отношению к закону и мог существенно корректировать его.

И в последующем «судейское право» сохраняло несомненную ценность для правящих кругов. Разумеется, потребности западного государства и общества как «совокупного капиталиста», наличие конкурентной борьбы между монополистическими группировками, противоречия центра и мест не позволяют капиталистическому государству дать полный простор усмотрению «третьей власти». Основной закон ФРГ 1949 г. и изданные впоследствии законы о суде сохраняют принцип подчинения судьи закону. Однако как вспомогательная доктринальная формула «судейское право» оказывается весьма удобным для того, чтобы сделать применение этого принципа достаточно гибким. С помощью «свободного судейского усмотрения» можно приспособить к изменившимся обстоятельствам тот или иной правовой институт без его законодательного пересмотра, если таковой представляется нежелательным. С помощью «судейского права» можно снять противоречие между охраной интересов «совокупного капиталиста» (на что направлен закон как акт центрального органа власти) и интересами отдельной монополии в конкретных условиях места и времени.

Другой фактор, способствовавший распространению концепции «судейского права», — деятельность юстиции. В ФРГ в результате создания наряду с ординарными судами конституционных судов, а также административной, финансовой, трудовой и социальной юстиции, судебная система стала значительно шире, чем раньше. Это порождает представления о возросшей роли суда в жизни общества. Еще существеннее то обстоятельство, что за годы после образования ФРГ ее суды, особенно высшие инстанции, неоднократно демонстрировали «свободное» обращение с действующим законодательством, чему в немалой мере способствовало и само законодательство: а) наличием в нем значительного числа каучуковых понятий и норм, допускающих различное толкование; б) появлением ряда компромиссных законов (отражающих соотношение парламентских сил), которые практически всегда могут быть истолкованы судом в необходимом направлении; в) количественным ростом законодательства, что ведет к его своеобразной «инфляции» и открывает возможности для судейского маневрирования [11].

Указанные факторы способствовали тому, что судебные инстанции, особенно высшие, достаточно прочно встали на путь «судейского права». Начало этому положил Федеральный конституционный суд, заявивший уже в первые годы своей деятельности, что наряду с конституцией он будет руководствоваться надзаконными принципами. Его примеру последовали и другие системы западногерманской юстиции [12. С. 156].

Западногерманский юрист И. Ипсен, детально исследовавший деятельность всех западногерманских судебных систем под углом зрения соотношения закона и «судейского права», отмечает, что «стирание границы между правообразованием и правоприменением ведет к тому, что различие между законодательной властью и судом становится все менее отчетливым... Вопрос идет не о том, существует ли «судейское право», а о том, каким оно является, констатирует автор [13. S. 27–28].

Еще один фактор, обусловивший успех концепции «судейского права», — несомненное идеологическое влияние англо-американских моделей на послевоенную западноевропейскую правовую мысль. При этом модель, сложившаяся там, где не существовало кодифицированного права, переносится в совершенно иные условия, где наличие сформировавшихся кодифицированных правовых систем, традиционно иное соотношение источников права, правотворческой и правоприменительной деятельности ведут к тому, что такого рода трансплантация ставит под угрозу принцип законности.

Следует учитывать направленность правоприменительного толкования и его отличие от интерпретации закона, проводимой безотносительно к его реализации в каждом отдельном случае.

Очевидно, что каждой стадии толкования соответствуют вполне определенные цели. Человек в процессе своей жизнедеятельности прибегает к толкованию нормативных предписаний в различных целях: для собственного познания закона, его оценки на предмет возможности соблюдения и применения (толкование-уяснение); для разъяснения своего понимания нормы иным лицам (толкование-разъяснение); для обоснования правильности применения нормы в конкретных случаях (толкование-применение). С точки зрения целей, функций и компетенций интерпретатора эти стадии толкования существенно различаются.

Современные правовые исследования свидетельствуют о более внимательном отношении интерпретаторов как к стадии уяснения, зависящей от индивидуальных особенностей субъекта, так и к стадии разъяснения и особенно к стадии применения, в которой интерпретация нормы, факта, правоотношения, обоснованного вида и размера наказания приобретает чрезвычайную актуальность как для правоприменителя, так и для адресата возможного наказания. В пользу относительной самостоятельности этих этапов толкования свидетельствует большое количество завершенных актов интерпретации на каждой из трех означенных стадий.

Дискуссионным является вопрос: чему отдавать предпочтение при толковании нормативного акта — уяснению воли законодателя, которую он хотел выразить, либо тексту нормативного акта. Воля законодателя лишь настолько составляет закон, насколько она выражена в нормативном акте, поскольку существуют единообразные на территории государства требования к актам, устанавливающим права и обязанности. Если законодатель выразил в законе свою волю уже ее действительного содержания, законной она делается только в том объеме, в каком она выражена. С другой стороны, закон служит источником права настолько, насколько он выражает волю законодателя. Поэтому, если вы-

ражения закона окажутся шире действительной воли законодателя, нормой должно рассматриваться только то, что составило действительную волю законодателя. Ошибка или неправильность языка в норме закона не могут служить источником права, поэтому задачу толкования норм закона составляет выяснение воли законодателя, адекватно выраженной в тексте нормативного акте.

В российской парадигме интерпретации права трудно выявить общезначимые правила, презумпции и лингвистические максимы, как, например, в английской доктрине толкования [14]. Содержащиеся в отечественной концепции толкования принципы, презумпции и нормы носят преимущественно декларативный характер, не требующие подтверждения судебной практикой.

Очевидно, что эффективность любой судебной системы, во многом, зависит от специфических политических, экономических, правовых условий, в которых она функционирует. Только суд, основываясь на трактовке и анализе норм законодательства, в рамках «коридора» действующего законодательства, может давать итоговое заключение, которое по юридической силе и необходимости его исполнения путем применения механизмов государственного принуждения, может быть приравнено к закону. Именно принудительность его исполнения, обеспечиваемая исключительно государством в лице уполномоченных органов и лиц (например, приставов-исполнителей), дает основание утверждать, что судебное решение (приговор), вступившее в законную силу, имеет силу закона, но только в отношении ограниченного круга лиц, указанных в судебном решении (приговоре).

Неизбежность существования института судебного правотворчества предполагает необходимость корректировки понимания принципа разделения властей таким образом, что правотворческая функция «распылена» между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти. Кроме того, неизбежность судебного правотворчества предопределяется наличием пробелов в законах и имманентной неопределенностью и многозначностью многих норм законодательства, а также невозможностью отказа в правосудии при отсутствии четкой позитивной нормы, применимой к спору. Как при осуществлении пробельного законотворчества, так и при толковании норм закона суды учитывают и сопоставляют различные аргументы и интересы, среди которых важную роль играют как формально-догматические (буквальный смысл закона, сложившиеся научные доктрины, системная согласованность и т.п.), так и политико-правовые (справедливость, этичность, экономическая эффективность и т.п.) критерии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Борзенко А.В.* Проблемы цели в общественном развитии. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1963. 79 с
- [2] *Трубников Н.Н.* О категориях «цель», «средство», «результат». М.: Высшая Школа, 1968. 148 с.
- [3] *Казакевич Т.А.* Целесообразность и цель в общественном развитии. Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1969. 96 с.
- [4] *Гендин А.М.* Предвидение и цель в развитии общества. Красноярск: Госпединститут, 1970. 436 с.

- [5] Макаров М.Г. Категория «цель» в марксистской философии и критика телеологии. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1977. 188 с.
- [6] Комиссаров К.И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск: Свердловский юридический институт, 1971. 167 с.
- [7] Heydte F.A. von. Naturrecht, Richterrecht, Gesetzesrecht. Dimensionen des Rechts: Gedächtnisschrift für René Marcic / Herausgegeben von M. Fischer, J. Raimund, M. Erhard, H. Schreiner. Berlin: Duncker und Humblot, 1974. S. 89-100.
- [8] Franke-Grieksch G. La position et les devoirs du juge dans RFD // Revue internationale de droit penal. 1975. № 1-2. P. 101–109.
- [9] Мольнау К. Суеверия юридического мировоззрения. Критика буржуазных политико-правовых концепций (в марксистской литературе ГДР). / Под ред. и с вступит, статьей В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1977. С. 71–127.
- [10] Урьяс Ю.Л. Политический механизм ФРГ. Социал-либеральная коалиция у власти / Отв. ред. Левин И.Д. М.: Наука, 1978. 176 с.
- [11] Туманов В.А. К критике концепции «судейского права» // Советское государство и право. 1980. № 3. С. 111–118.
- [12] Киселев И.Я. Трудовые конфликты в капиталистическом обществе. Социально-правовые аспекты / Отв. ред. Зивс С.Л. М.: Наука, 1978. 240 с.
- [13] Ipsen J. Richterrecht und Verfassung. Auflage 1. München: Duncker & Humblot, 1975. 252 s.
- [14] Тонков Е.Н. Толкование закона в Англии: монография. СПб.: Алетейя, 2013. СПб.: Алетейя, 2013. 352 с.

THE FUTURE OF CASE LAW IN RUSSIA

V.V Grebennikov

Peoples' Friendship University of Russia
Law Institute
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

L.Yu. Grudtsina

Financial University under the Government of the Russian Federation
Legal support department of economic activity
4, 4th Veshnyakovsky pr., Moscow, Russia, 109456

24th of November 2016, the President of Russia submitted to the State Duma of the Russian Federation's Federal Assembly the draft Federal constitutional law «On introducing amendments to the Federal constitutional law «On the Constitutional Court of the Russian Federation». The bill proposes a new form of the Constitutional court judgment regarding the results of consideration of the case about the verification of constitutionality of a statutory act of public authority or a treaty between bodies of public authority, — the decision to declare the statutory act or the treaty or individual provisions of them corresponding to the Constitution in the interpretation given by the Constitutional Court of the Russian Federation.

In the authors' opinion, such a new form (and new legal nature) of the Constitutional Court judgment marks a historic turn of the Russian state policy towards the development of case law, strengthening the place and role of judicial precedent and lawmaking. This means that other (possible) interpretation will not be taken into account by courts, thereby, the judicial system will become more manageable, and decisions taken by courts — in terms of possible interpretations of the Basic law — more predictable.

The article also explores the concept of «judge-made law», which in connection with the submission of the draft Federal constitutional law, takes on new meaning and new legal nature: firstly, the judge-made law, as one of the most common concepts in modern Western European jurisprudence and

the Anglo-American common law, in fact, starts its development in Russia, secondly, the classic concept of the judge as an «implementer» of the law-making functions of the court right from the beginning starts to be distorted in Russia, because the right to be «interpreter» (commentator) belongs only to the Constitutional Court of the Russian Federation, the lower units of the judicial system no longer can, but are obliged to follow the position of the Constitutional Court of the Russian Federation. In any case, according to the authors, the development of judicial precedent and lawmaking is a significant positive step for the development of the legal system of the state.

The question is debatable: what to give preference in case of interpretation of the regulation to — explanation of a will of the legislator which he wanted to express, or to the text of the regulation. The will of the legislator only so makes the law as far as it is expressed in the regulation as there are requirements to the acts, uniform in the territory of the state, establishing the rights and obligations.

Key words: case law, judicial system, interpretation of the Constitution, the Constitutional court of the Russian Federation, the decision of the court, judicial legislation

REFERENCES

- [1] Borzenko AV. *Problemy tseli v obshchestvennom razvitii*. Moscow: Izd-vo VPSH i AON; 1963. 79 p. (In Russ.).
- [2] Trubnikov NN. *O kategoriyakh «tsel'», «sredstvo», «rezul'tat»*. Moscow: Vysshaya Shkola; 1968. 148 p. (In Russ.).
- [3] Kazakevich TA. *Tselesoobraznost' i tsel' v obshchestvennom razvitii*. Leningrad: Izd. Leningr. un-ta; 1969. 96 p.
- [4] Gendin AM. *Predvidenie i tsel' v razvitii obshchestva*. Krasnoyarsk: Gospedinstitut; 1970. 436 p. (In Russ.).
- [5] Makarov MG. *Kategoriya «tsel'» v marksistskoi filosofii i kritika teleologii*. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie; 1977. 188 p. (In Russ.).
- [6] Komissarov KI. *Zadachi sudebnogo nadzora v sfere grazhdanskogo sudoproizvodstva*. Sverdlovsk: Sverdlovskii yuridicheskii institut, 1971. 167 p. (In Russ.).
- [7] Heydte FA von. *Naturrecht, Richterrecht, Gesetzesrecht*. Fischer M, Raimund J, Erhard M, Schreiner H, editors. *Dimensionen des Rechts: Gedächtnisschrift für René Marcic*. Berlin: Duncker und Humblot; 1974. S. 89-100. (In German).
- [8] Franke-Griecksch G. La position et les devoirs du juge dans RFD. *Revue internationale de droit penal*. 1975;1-2:101-109. (In French).
- [9] Mol'nau K. *Sueveriya yuridicheskogo mirovozzreniya*. Tumanov VA, editor. *Kritika burzhuznykh politiko-pravovykh kontseptsii (v marksistskoi literature GDR)*. Moscow: Progress, 1977. p. 71-127. (In Russ.).
- [10] Ur'yas YuL. *Politicheskii mekhanizm FRG. Sotsial-liberal'naya koalitsiya u vlasti*. Levin ID, editor. Moscow: Nauka; 1978. 176 p. (In Russ.).
- [11] Tumanov VA. K kritike kontseptsii «sudeiskogo prava». *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1980;3: p. 111-118. (In Russ.).
- [12] Kiselev IYa. *Trudovye konflikty v kapitalisticheskom obshchestve. Sotsial'no-pravovye aspekty*. Zivs SL, editor. Moscow: Nauka; 1978. 240 p. (In Russ.).
- [13] Ipsen J. *Richterrecht und Verfassung*. Auflage 1. München: Duncker & Humblot, 1975. 252 s. (In German).
- [14] Tonkov EN. *Tolkovanie zakona v Anglii*. Saint-Petersburg: Aleteiya; 2013. 2013. 352 p. (In Russ.).